

А. В. Руфимский*

Последняя «пустынная церковь»¹ епископа Николая (Парфенова) — община схиигумении Марии: заметки к биографии подвижницы

Благодаря публикации воспоминаний В. Я. Василевской (1902–1975 гг.), монахини Досифеи (Вержбловской; 1904–2000 гг.) и протоиерея Александра Меня (1935–1990 гг.)² стало широко известно об одном из центров «катакомбной церкви», существовавшем в 1940-х гг. в Загорске (до 1930 г. и с 1991 г. Сергиев Посад), — тайной монашеской общине во главе со схиигуменией Марией (1863–1961 гг.). Схиигумения Мария принадлежала к тем, кто не признал митрополита, позднее Патриарха Сергия (Страгородского) главой Русской Православной Церкви, она считала своим епископом священноисповедника Афанасия (Сахарова)³. Ее община, игравшая важную роль в «катакомбном» движении в Центральной России в 1930-х — 1-й половине 1940-х гг., воссоединилась с Русской Православной Церковью, после того как епископ Афанасий в 1945 г. признал главой Церкви новоизбранного Патриарха Московского и всея Руси Алексия I. Многие из духовно близких к схиигумении Марии люди участвовали в возрождении Троице-Сергиевой лавры в 1946 г., в устроении церковной жизни в послевоенные годы.

В обстановке антирелигиозных гонений со стороны государства, поощрявшего доносительство, схиигумения Мария скрывала сведения о своей жизни и о связанных с ней людях, поэтому ее биография, особенно до поселения в Загорске около 1934 г., почти неизвестна, хотя близкие к ней люди знали, что подвижница прежде была связана с Саратовом. Согласно воспоминаниям М. К. Карповой⁴, жившей с матушкой Марией в одном доме в Загорске, подвижница прежде была насельницей монастыря в Хвалынске Саратовской губернии. Однако по данным монахини Досифеи (Вержбловской), состоявшей в общине матушки Марии, настоятельница прежде подвизалась в монастыре в честь Владимирской иконы Божией Матери в Вольске. По-видимому, это неверные сведения, так как в Хвалынске женского монастыря

* © Руфимский А. В., 2008
Алексей Вячеславович Руфимский, Саратов.

никогда не было. Из работы священника М. Воробьева, посвященной истории Вольского женского монастыря, следует, что о схиигумении Марии никаких материалов нет, не фигурирует ее имя и в списках насельниц 1925 и 1929 гг.⁵

В ходе многолетних занятий историей Саратовской епархии конца XIX — середины XX в. я смог установить ряд фактов, относящихся к жизни схиигумении Марии в саратовский период, когда проходило ее духовное становление. По свидетельству саратовского протоиерея Игоря Мальцева⁶, близко знавшего матушку Марию, ее духовником с 1910-х гг. по 1936 г. являлся vikарий Саратовской епархии епископ Аткарский Николай (Парфенов; 20 июня 1879 г.— 20 января 1939 г.)⁷. Именно епископ Николай, подвизавшийся в подвиге юродства, незадолго до своего последнего ареста и смерти в тюрьме передал матушке Марии духовное окормление своей паствы и подвиг юродства — оба эти послушания она пронесла до конца своей жизни⁸. Как свидетельствуют ставшие недавно известными материалы, матушка была также духовным чадом ученика епископа Николая — священника Константина Соловьева (13 мая 1877 г.— 17 апреля 1953 г.)⁹, сыгравшего большую роль в устройении церковной жизни в Саратове как в начале XX в., так и в конце 1940–1950-х гг.

Настоящее исследование построено на церковном предании, сохранившемся в Саратовской епархии и переданном мне моими родственниками, окормлявшимися у матушки Марии, а также внучатой племянницей епископа Николая (Парфенова) Е. Е. Панкратовой и моими духовными наставниками — инокиней Параскевой (Тарарашкиной), протоиереями Игорем Мальцевым и Георгием Лысенко († 20 сентября 2002 г.), Всеволодом Кулешовым. В той или иной степени все они, как и схиигумения Мария, были наследниками духовной школы юродивого епископа Николая (Парфенова) и его «духовного служки» протоиерея Константина Соловьева.

Информация о епископе Николае скудна¹⁰. Он родился в Саратове в семье цехового мещанина Василия Парфенова¹¹. В таинстве Крещения, совершенном в приходском Митрофаниевском храме, его нарекли в честь равноап. князя Владимира. Будущий епископ прожил на центральной улице Саратова — Немецкой (на пересечении ее с Вольской улицей) от рождения до поступления в монастырь в 1906 г. В раннем детстве, упав со стола по недосмотру кормилицы, Володя травмировал позвоночник, и у него появился горб спереди и сзади. Позднее епископа Николая в Саратове звали «маленьким батюшкой» или «Николаем горбатеньким».

Мать Володи Екатерина Васильевна часто совершала паломничества. Неоднократно она бывала в Киево-Печерской лавре, куда брала с собой и сына. Во время одной из таких поездок лаврский старец предсказал отроку его жизненный путь. Позднее, когда Владимир пришел в возраст совершеннолетия, этот же старец благословил его на подвиг юродства. Киевский монах дал Владимиру послушание; чтобы юноша лучше узнал духовную жизнь разных сословий и научился служить Богу и людям, старец велел Владимиру в один воскресный день бывать в светском обществе. В следующее же вос-

кресенье, переодевшись в невзрачную одежду, трудиться в саратовском Спасо-Преображенском мужском монастыре. Владимир так и поступал: в одно воскресенье ходил на концерты духовых оркестров, дававшиеся на деревянной эстраде городского сада «Липки»¹², в следующий воскресный день в одежде галаха¹³ работал трудником в монастыре.

26 августа 1906 г. Владимир Парфенов поступил в саратовский Спасо-Преображенский мужской монастырь и был определен на послушание портного в Свято-Алексиевский (с 1911 г. Николо-Тихоновский) скит. Трудолюбие и смирение молодого послушника покорили сердца многих насельников скита и Спасо-Преображенского монастыря. Во время скитских послушаний молодой послушник подбадривал себя и окружающих народной мудростью: «Господь терпел и нам велел», «Глаза страшат, а руки делают». Часто, взявшись рукой за горб на спине, говорил: «Живи всяк своим добром да своим горбом». Спустя некоторое время Саратовский епископ сщмч. Гермоген¹⁴, являвшийся настоятелем Спасо-Преображенского монастыря, совершил постриг Владимира Парфенова в мантию и нарек его Николаем в честь свт. Николая. Впоследствии, будучи уже иеромонахом, старец Николай рассказывал будущему епископу Саратовскому и Балашовскому Вениамину (Милову): «Во время моего пострига от вручаемого мне креста отделился голубь и влетел в мои уста. Целый год после того чувствовал я в сердце своем великую сладость»¹⁵. Новопостриженный инок состоял под духовным окормлением епископа Гермогена и старца Адриана (о нем почти ничего не известно). Со временем к монаху Николаю стали приезжать паломники — одни ради спасения души, другие ради любопытства. И те и другие открывали в нем молитвенника и духовного печальника о самых сокровенных сердечных чаяниях. В душах беседовавших с монахом Николаем даже после краткого общения воцарялся мир — дар Духа Божия. Известным стал и его дар прозорливости, из-за которого недоброжелатели даже называли его «горбатым колдуном».

В 1911 г. епископ Гермоген был уволен на покой. С приходом на Саратовскую кафедру епископа Алексия (Дородницына; 1859–1919 гг.) по епархии прокатилась волна преследований по отношению к духовенству, которое разделяло взгляды предыдущего архиерея. Инок Николай был обвинен в «лжестарчестве», сборе подношений от состоятельных горожан, дружбе с епископом Гермогеном и общении с иноверцами и инославными. Вскоре о. Николай заболел воспалением легких и попал в монастырскую больницу, где провел несколько месяцев. В это время со словом назидания и утешения к своим духовным чадам в Саратове обратился из ссылки епископ Гермоген, среди его адресатов был и инок Николай, письмо которому датировано 1 ноября 1912 г.¹⁶

За время болезни административные «тучи» над головой инок Николая развеялись, и он вернулся в скит. Однако тяжелая болезнь не прошла бесследно. Казалось, что подвижник постарел на несколько лет — лицо стало одутловатым, болезненная согбенность увеличилась, словно он врос в землю, до конца своей жизни он уже не выпускал из рук клюки. Отцу Николаю было запрещено общаться с прихожанами, и его друзьями стали лесные птицы

и лоси, которых он кормил монастырским хлебом и комковой солью. Вскоре, чтобы не «сидеть сложа руки в скиту», он начал каждое воскресное утро прислуживать за панихидами в церкви Воскресения Господня на городском Воскресенском кладбище и собирать милостыню для скита. Помимо этого он взял на себя обязанность, неслыханную на Саратовской земле и фактически не практиковавшуюся Церковью в начале XX в., — молиться о самоубийцах по чину, составленному оптинским старцем прп. Леонидом, в схиме Львом (Наголкиным). Пресвященный Палладий (Добронравов; 1865–1922 гг.), с 1914 г. являвшийся епископом Саратовским и Царицынским, рукоположил инокa Николая во диакона, 10 ноября 1915 г. — во иерея и назначил духовником в киновию при саратовском храме Страстей Господних¹⁷.

Печалась о любимом городе и живущих в нем людях, о. Николай принял на себя подвиг старчества. Осенью 1914 г. он предсказал своему духовному сыну Н. П. Руфимскому обрушение крыши находившейся в центре Саратова панорамы «Мучения христиан в цирке Нерона», что и случилось 15 января 1915 г. Старец сказал: «Скоро вся Россия будет как этот цирк». О. Николай, просивший всех называть его «маленьким батюшкой», не только знал о прошлой и будущей жизни впервые увиденного им человека, но и сразу прозревал его мысли и самые затаенные мечты. Если же к нему приходили с дурными помыслами, дабы посмеяться над благодатью Святого Духа, почивавшего на нем, юродивый старец публично обличал таких «паломников», употребляя поговорки собственного сочинения и «притчи во языцех», разбавленные бранью. «Маленький батюшка», обучавшийся в детстве у домашних учителей и окончивший лишь начальное училище, поражал прихожан своей начитанностью и умением рассуждать о предметах из различных областей знания. Он призывал своих духовных чад к постоянному самообразованию, часто повторял поговорку: «Жил один мних, имел сто книг, ел и спал на них, но не знал, что в них!».

По воспоминаниям коренного саратовца В. Т. Лунькова, даже дети никогда не смеялись над блаженным горбуном, как это бывает зачастую на Руси, но считали за великое счастье принять от него благословение, может быть, если он сочтет нужным, исповедоваться у него. Дети ожидали его появления перед киноией, встречая подвижника радостными возгласами: «Маленький батюшка! Маленький батюшка идет!», и бросались ему на шею, а он собирал их вокруг себя и одаривал конфетами, давая одну в левую руку, а другую в правую, приговаривая: «Чтобы не обидно было».

Все, что бы ни приносили о. Николаю, он раздавал нуждавшимся. Всю Светлую седмицу в свободное от служб время он ходил по богадельням и больницам с пасхальными подарками, полученными им от состоятельных горожан на нужды богоугодных заведений и тюремного замка. Вовсе не употребляя спиртных напитков, он не осуждал пьяниц, часто подавал им со словами: «На, иди пропей», а тем, кого близко знал через таинство покаяния, ласково говорил: «На-ка, вот, окати сердечко», дабы избавить их от преступлений ради выпивки. Многие по молитвам старца избавлялись от недуга пьянства.

Митрополит Мануил (Лемешевский) писал о подвиге духовничества о. Николая: «Когда к нему съезжались из разных мест и среди них были новые лица, он имел обыкновение сажать за стол приезжих с одной стороны, параллельно им на особых возвышениях рассаживать игрушечных петухов, куриц, попугаев, кошек, собак и других птиц и животных, и он разговаривал с птицами и животными»¹⁸. И во всех этих разговорах приехавшие получали ответы на свои невысказанные вопросы и мысли. Послушник старца Александр Михеев (впоследствии иерей) вспоминал: «Привозили к нему больных всякими душевными или другими непонятными болезнями, клали возле корпуса. Выходил к ним отец Николай, не отказывал. Беседовал с больными и родственниками, молился горячо, заклинал болезнь на излечение, обнадеживал, оставлял веру и надежду. Трех или четверых так-то при мне вылечил, а многим, как потом говорили, полегчало»¹⁹. В 1917 г. о. Николай вместе с Александром Михеевым совершил паломничество по святым местам России. Они посетили московские кремлевские соборы, Донской, Новодевичий, Страстной, Симонов, Данилов монастыри, Троице-Сергиеву лавру, Новый Иерусалим, Оптину пустынь, Александро-Невскую лавру, Валаам. «Духовный служка» епископа Николая протоиерей Константин Соловьев на допросе в 1933 г. говорил об архиерее как о «пользовавшемся у паствы славой хорошего советника, объехавшего большинство монастырей всей России»²⁰.

После издания 1 февраля 1918 г. послания Святейшего Патриарха Тихона, в котором были преданы анафеме гонители веры и Церкви православной и в котором содержался призыв к верным чадам православной Церкви «не вступать с таковыми извергами рода человеческого в какое-либо общение»²¹, иеромонах Николай, желая исполнить повеление Первосвятителя, ушел в затвор и жил то в Свято-Николо-Тихоновском ските, то в киновии. Молодой иерей Константин Соловьев, только что окончивший Казанскую Духовную академию и вернувшийся в родной Саратов, стал священником при ските и духовным сыном о. Николая, смиренным его «служкой», помогавшим старцу в окормлении его духовных детей. Пастыри имели такое близкое духовное общение, что духовных чад друг друга они не только знали в лицо, но и знали их внутреннюю жизнь, так как параллельно вели их духовное окормление — один в скиту и киновии, другой — в Митрофаньевской церкви²².

Многолетняя работа «маленького батюшки» по установлению контактов между саратовцами, принадлежавшими к разным вероисповеданиям, принесла плоды в революционные годы. 2 февраля 1918 г. в квартире ректора Саратовской Духовной семинарии архимандрита Бориса (Соколова)²³ прошло собрание православного духовенства совместно со старообрядцами, католиками, лютеранами и иудаистами для обсуждения возможных последствий действия декрета об отделении Церкви от государства. На собрание явились вооруженные красногвардейцы, обыскавшие и арестовавшие присутствовавших. Одновременно были произведены обыски в квартирах участников собрания²⁴. 28 января 1918 г. в Саратове прошел всенародный крестный ход, расстрелянный красноармейцами, а 9 октября состоялся показательный

«пролетарский суд» над саратовским духовенством и мирянами, завершившийся расстрелом 42 заложников²⁵.

В 1920 г. случилась встреча с о. Николаем Виктора Дмитриевича Милова, впоследствии епископа Саратовского и Балашовского Вениамина. Будучи работником красноармейской канцелярии, он пришел за советом к подвижнику. Поразив Милова своей прозорливостью, о. Николай указал его имя при постриге и направил в московский Свято-Данилов монастырь, предписав следующее молитвенное правило: «Будешь монахом — прилежи Иисусовой молитве. Читай ежедневно 600 молитв: 300 Иисусовых и 300 Богородичных. У меня был старец отец Адриан — человек высокой духовной жизни. Он настолько любил Иисусову молитву, что все житейское не слышал, не вступал в суетные разговоры. Если заговорят при нем о пустом, он склонит голову вниз и заснет. Стоит же кому-либо заговорить о существенно важном, как он просыпался от своей мнимой спячки и обнаруживал глубочайшую мудрость. Монахов Господь много утешает»²⁶. Все предсказанное юродивым старцем исполнилось для епископа Вениамина с буквальной точностью.

Мирянам о. Николай давал следующее молитвенное правило. Он учил, что краткое правило прп. Серафима Саровского требует серьезного молитвенного настроя и входить в него нужно постепенно, потому что «заедает мир». О. Николай говорил, что по большей части люди всю свою жизнь проводят в просительной молитве, напоминая собой кровососущих паразитов: пиявок или клопов; чтобы не уподобляться им, за каждую помощь нужно научиться разумно благодарить и людей, и Бога. И обращал внимание своих духовных чад на птиц небесных, «которые, когда пьют из лужи, поднимают свои головки к небу, благодаря Создателя за живительную влагу, а мы забываем». Для утреннего правила, он говорил, достаточно прочесть молитву «Царю Небесный», читаемую также при призывании помощи Святого Духа на всякое доброе дело. Читать ее можно даже по пути на службу. Если есть время, нужно прочесть тропарь и кондак перед началом всякого доброго дела. Вечером же хозяин (или хозяйка) дома, придя после работы, должен читать благодарственные тропарь, кондак и богородичен за всякое благодеяние Божие, причем читать надо громко, чтобы слышали все домочадцы, особенно старики и дети, потому что одни из-за немощи забывают, а другие благодарить еще не научились, закончить правило нужно славословием Пресвятой Богородице «Достойно есть». На время, когда не будет возможности посещать храмы, «маленький батюшка» заповедал читать акафист небесному покровителю семьи, потому что акафисты, содержащие церковно-исторические сведения, духовно обогащают молящегося человека и погружают его в молитвенную обстановку храма, кроме того, акафисты включают в себя все молитвенное правило²⁷. Это молитвенное правило «маленького батюшки» помогло многим саратовским христианам пережить трудное время гонений, когда с 1939 по 1942 г. все храмы в городе были взорваны, закрыты или разобраны на кирпичи. Сам о. Николай каждую ночь прочитывал акафист Владимирской иконе Божией Матери. При начале осквернения саратовских хра-

мов он утешал свою паству словами: «Недолог час, когда христиане будут повсеместно на последние деньги восстанавливать и заново строить храмы Божии!».

В начале 1920-х гг. о. Николай был возведен в сан игумена Свято-Никола-Тихоновского скита и в скором времени — в сан архимандрита. В 1922 г. собранием мирян крестовой церкви архиерейского дома архимандрит Николай был избран епископом и в сентябре 1922 г. в Никольской церкви скита был тайно хиротонисан. Хиротонию совершили ученик старца, бывший настоятель Спасо-Преображенского монастыря епископ Вольский, vikарий Саратовской епархии, Иов (Рогожин)²⁸ и епископ Новосильский, vikарий Тульской епархии, Варлаам (Пикалов)²⁹. Сведения об этой хиротонии дошли до пребывавшего под домашним арестом Святейшего Патриарха Тихона, который 17 марта 1923 г. утвердил владыку Николая Аткарским епископом, vikарием Саратовской епархии. Владыка Николай не принял обновленчество. После своего поставления он был единственным православным архипастырем в Саратове и исполнял обязанности временно управляющего Саратовской епархией³⁰. Владыку широко знали в России, его внешний облик гротескно воспроизведен в образе юродивого горбатого монаха Никанора (Артамонова) в повести Максима Горького «Дело Артамоновых».

В 1924 г. в связи с ухудшением состояния здоровья епископ Николай ушел на покой. 2 года он жил в затворе в монастырском скиту, выходя только для встречи с духовными чадами. В затворе он не только молился, но и работал, в частности, вязал чулки, которые раздавал как благословение. По воспоминаниям его духовной дочери инокини Параскевы (Тарарашкиной), владыка многим благословлял в качестве послушания вязание, давая в руки моток ниток, в который были вставлены вязальные спицы или крючок. Он называл это послушание «противоядием в юности от рукоблудия, а в старости от гордыни и сплетен — первых врагов монашества». Выйдя из затвора, он продолжал жить некоторое время в Саратове в кинобии. Его келейником был иеромонах Питирим (в миру Яков Иванович Иванов). Возможно, совместно с управляющим Саратовской епархией с марта по 15 июня 1928 г. сщмч. Фадеем (Успенским)³¹ епископ Николай совершал тайные монашеские постриги, в частности постриг в монашество матушку Марию (см. ниже).

Вскоре епископ Николай был вынужден покинуть Саратов и, как говорила его сестра Варвара Васильевна, «был на колесах»: «Владыка был без прописки, практически как бездомный... странничествовал по городам». Сначала в Симбирске, а после и в других городах владыка обычно останавливался у саратовцев, в том числе у знакомых семьи Руфимских. Они свидетельствовали, что в каждом из городов, где скрывался у своих духовных чад владыка Николай, он основывал общины «пустынной церкви». Через некоторое время архиерей вместе со своим келейником иеромонахом Питиримом (Ивановым) обосновался у своих духовных детей в Москве. По свидетельству внучатой племянницы владыки Е. Е. Панкратовой, в столице владыка жил у сестер Елены, Анны и Марии Араловых. По свидетельству Юрия Ветвицкого, духовного сына епископа Николая, и протоиерея Константина Соловьева,

Араловы имели также дом под Москвой³². У сестер Араловых стояло в комнате кресло, накрытое белым чехлом, в которое никто не садился, это было, как говорили хозяйки, кресло «старчика», а спал он в детской кровати, так как был небольшого роста. Квартира и дом Араловых являлись центром московской «пустынной церкви» владыки Николая, в котором бывали, по воспоминаниям Е. Е. Панкратовой со слов Араловых, не только саратовские духовные чада «маленького батюшки» — семьи Ветвицких и Мальцевых, но и выдающиеся деятели Русской Церкви, в том числе епископ Алексей (Симанский), будущий Патриарх³³.

Вскоре епископ Николай был выслан в Киев. Владыка снимал квартиру в Печерске, жил уединенно, почти никого не принимал и не совершал богослужений. Ходил молиться в церковь женского Введенского монастыря. Саратовские почитатели приезжали к старцу в Киев за советом, а также в надежде помочь ему. Среди них был и о. Константин Соловьев, которого епископ Николай одарил парой чулок³⁴. В 1933 г. епископ Николай был арестован Киевским ОГПУ, содержался под стражей 4 месяца, затем был освобожден под подписку о невыезде. Как утверждает протопресвитер Михаил Польский, владыка Николай находился в течение некоторого времени в блоке предварительного заключения вместе со схиархиепископом Антонием (Абашидзе)³⁵. Сокамерники епископа Николая вспоминали доброту владыки, делившегося с заключенными последним куском хлеба³⁶. Перед отъездом из Киева после освобождения он сказал своему келейнику (уроженцу Саратова) Борису Ветвицкому (в иночестве Арсению): «Уходи немедленно, мы идем на Голгофу»³⁷.

В октябре 1933 г. владыка Николай приехал в Киржач, небольшой город более чем в сотне километров от Москвы, как свидетельствует Е. Г. Рымаренко, «именно на таком удалении он должен был жить в ссылке»³⁸. И здесь, так же как и в Симбирске, Москве, Киеве и других городах, владыку окружали близкие ему по духу саратовцы. Среди них была духовная дочь владыки Николая Н. М. Мальцева (в девичестве Ветвицкая; † 1940 г.), проследовавшая за владыкой во время всех его скитаний до его ареста. Ее старший сын протоиерей Игорь Мальцев писал: «Моя драгоценная мать... была доброй христианкой, человеком особенным, ничего не страшщимся ради Христа... С глубоким уважением относилась к духовенству и любила его»³⁹. После возвращения из ссылки Н. М. Мальцева переменила несколько мест проживания, и владыка благословил ее поселиться в одном из двух подмосковных городов: Александрове, где, как сказал владыка, по воспоминаниям отца Игоря, «тебе будет материально очень хорошо», или в Загорске, «где будут у тебя и скорби, но вместе с тем всегда будешь ощущать помощь преподобного Сергия».

Протоиерей Игорь Мальцев вспоминал: «Дом в Загорске (№ 28 по Кустарной улице) был куплен епископом Николаем и юридически оформлен на семью Мальцевых. Первую половину он благословил занять Мальцевым, а во второй половине благословил жить одной из своих саратовских духовных дочерей — схиигумении Марии с ее послушницей матушкой Арсенией». Двоюродный брат протоиерея Игоря А. Б. Ветвицкий добавляет: «Нам, детям, родители говорили, что она [схиигумения Мария.— А. Р.] прямая род-

стенница, и выдавали ее за тетю нашего папы “бабу Феню”. Далее привожу выдержку из письма отца Игоря с рассказом о его жизни в Загорске: «Дом сначала привели в порядок, отгородились высоким забором от лишних взглядов и стали жить одной большой дружной семьей вплоть до того, что у нас был общий стол, потому что основным кормильцем являлся мой отец, работавший главным бухгалтером в Москве на крупных предприятиях. Он не пил, не курил, был человеком верующим и большим любителем богослужения и церковного пения. Как бы он ни устал, он никогда не опускал молитвенного правила, читая утром и вечером установленные молитвы и акафист св. Николаю, которого глубоко чтит. Всю жизнь мечтал быть священником... А моя мама ночи просиживала, делая цветы, и под праздник вместе с Т. Т. Пелихом (будущим священником), с которым они были друзьями, украшали Ильинский храм Загорска — единственную открытую церковь города в 1930-х гг. Нас мама постоянно наставляла быть верными Церкви, быть честными, никогда не брать чужого... Среди соседей родители пользовались уважением. Епископа Николая я видел много раз. Один, первый раз, на какой-то квартире в Москве (мне было лет десять) [вероятнее всего, у сестер Араловых. — А. Р.]. Потом уже позже, в 1935–1936 гг., ездили в г. Киржач Владимирской области — это через г. Александров нужно было ехать. От Загорска до Александрова едешь, бывало, часа два с половиной, ходили ведь тогда паровозы. В Александрове на другом поезде ехали и тоже долго. Там жили иногда и по 3–4 дня. Владыка жил не в том доме, где мы останавливались, а приходил туда в праздник, после литургии. Но никто в храме, глядя на старого горбатого прихожанина с придурью, и не предполагал, что он епископ... К епископу Николаю мы неоднократно ездили в г. Киржач, где он жил последнее время. Ездили и с мамой, и одни с братом, чтобы отвезти мамино письмо, когда она сама не могла поехать. Мы останавливались на улице Пролетарской, там жили две женщины (возможно, тайные монахини) Марфа и Мария и послушник Александр. В этот дом мы приезжали и жили даже по неделе. Когда собирались духовные дети епископа Николая, то он приходил в этот дом, накрывался стол, все усаживались во главе с владыкой. Там и происходила беседа, общая по внешнему виду, во время общения даже в узком кругу, среди духовных чад он всегда юродствовал. Самое интересное, что каждый из его духовных чад во владыке видел своего ровесника, не говоря уже о нас, детях, так как ростом он был чуть выше меня. Он меня очень любил и каждый раз одаривал конфетами и баранками с маком, набивая ими мои карманы на троих (учитывая моего брата Олега и сестру Маргариту). Несколько раз из его рук я достаивался стать сопричастником Христовых Таин. Во время бесед со мной он научил меня сердечной молитве: “Когда будешь молиться, то не забудь упомянуть: О коих несть кроме меня искренне и бесстрастно молиться. Поскольку неизвестно, жив человек или отошел ко Господу, следует молиться так: Я не знаю, жив или мертв (имярек), если живой — прошу здоровья, спасения и во всем благого поспешения, коли умер — Царствия Небесного! Если будешь так молиться, то и тебя Господь без молитвенников никогда не оставит”. Называл меня либо Игорьком, либо

“веселым батюшкой”»⁴⁰. Епископ Николай жил вместе с келейником иеромонахом Питиримом (Ивановым), служившим псаломщиком в местной церкви Николая Чудотворца на Заболотье. Схиигумения Мария редко общалась напрямую с владыкой, поскольку была в затворе и жила по поддельным документам. Общалась она или через своих послушниц, или через Мальцевых.

29 декабря 1936 г. Управлением НКВД по Ивановской области епископ Николай был арестован по обвинению в том, что «являлся активным участником контрреволюционной организации церковников в г. Киржаче, так называемой пустынной церкви, созданной на основе антисоветской платформы “Истинной православной церкви”, проводившей развернутую деятельность по насаждению контрреволюционных групп церковников, объединяя их в так называемые тайные церкви». На допросах владыки Николая следователь называл фамилии священнослужителей, знакомство с ними епископ отрицал. При этом он указывал: «В Киржаче у меня были знакомые, несколько человек, с которыми я поддерживал близкие связи как с единомышленниками по “истинно-православной вере”, но это не была антисоветская группа»⁴¹. В предъявленном обвинении владыка Николай себя виновным не признал. 15 июня 1937 г. архиерей по постановлению Особого совещания при НКВД СССР был осужден «за участие в контрреволюционной группе церковников к 5 годам тюремного заключения», иеромонах Питирим (Иванов) на 5 лет был сослан в Сибирь. По свидетельству протоиерея Игоря Мальцева, в 1937 г. «их (епископа Николая и иеромонаха Питирима)... отправили во владимирскую тюрьму. Мама все еще посылки туда посылала. Потом было известие, что его там (во владимирской тюрьме) нет»⁴². По данным информационного центра УВД Владимирской области, епископ Николай скончался в тюрьме Владимира 20 января 1939 г. от порока сердца⁴³. Следы иеромонаха Питирима затерялись в ГУЛАГе.

В ходе Великой Отечественной войны в России начали открываться храмы. Сразу после возобновления литургической жизни в Саратове в 1942 г. город облетела весть о «возвращении маленького батюшки». Его духовные чада, не знавшие о кончине старца в заключении, встречали владыку в храме или возле него. С некоторыми из них он разговаривал об их духовной жизни. Незнакомцев он «прожигал взглядом» и исчезал в толпе, поражая своим обликом и навсегда оставаясь в памяти. О встрече с епископом Николаем во время литургии в саратовском Свято-Троицком соборе в 1942 г. свидетельствует старейший клирик Саратова 79-летний протоиерей Всеволод Кулешов. Епископ Николай в лагерной телогрейке предстал перед ним, проникновенно заглянул в глаза и затерялся среди молящихся. Через 5 лет саратовцы раскрыли смысл этих посмертных явлений «маленького батюшки». 13 января 1947 г. на Саратовскую кафедру взошел бывший послушник Спасо-Преображенского монастыря уроженец Саратова епископ Борис (Вик)⁴⁴, в следующем году епархиальным духовником стал выдающийся катихизатор и миссионер, «духовный служка» епископа Николая протоиерей Константин Соловьев, вернувшийся из ссылки. Таким образом была сохранена сара-

товская духовная школа и преемственность церковной жизни от подвижников начала XX в.

Последней «пустынной церковью» блаженного архиерея стала тайная монашеская община в Загорске, в доме, купленном на личные сбережения епископа Николая для семьи Мальцевых и схиигумении Марии⁴⁵. А. Б. Ветвицкий, сын Б. М. Ветвицкого, в иночестве Арсения, одного из келейников епископа Николая, вспоминает: «Дом в Загорске был куплен епископом Николаем (Парфеновым). Домик маленький, но как в нем было хорошо, уютно, таинственно. На чердаке стоял гроб схиигумении Марии. В подвале был самодельный приемник, по которому слушали сводки с фронта и немецкие передачи. У “бабушки Фени”... вычитывали все службы. Схиигумения Мария жила под фамилией и с паспортом ранее умершей жены сапожника Сарычевой, такая вот была конспирация»⁴⁶.

«По фасаду дома левое окно (с торца правое окно) келии схиигумении Марии было всегда занавешено. Сколько себя помню, из келии она не выходила... Главной опорой в половине дома схиигумении Марии была Лидия Федоровна Кузменкова, очень добрая, энергичная, любящая. Ее в шутку матушка звала “казначеем”, да так оно и было. Была ли она тайной монахиней, осталось неизвестным. От нее струилась живительная энергия, ну очень, очень милым человеком была она. В восстановленный московский Свято-Данилов монастырь Лидия Федоровна пожертвовала замечательную икону св. Пантелеимона, размером 1 на 0,7 м. Икону поместили на очень почетное, заметное место»⁴⁷. «Также жили с ней, кроме упоминаемой монахини Арсении, монахиня Палладия (подвизавшаяся ранее в Хотьковском монастыре), монахиня Христофора, принявшая впоследствии схиму с именем Сергия, а также Маня (монахиня Мария) и последняя из всех горбатенькая Рая (монахиня Мария). Они все жили духовной жизнью. Ежедневно вычитывали весь суточный богослужебный круг (кроме литургии) и монашеские правила... В угловой от улицы комнате против двери стояла кровать “бабушки Фени”. Она всегда по болезни сидела или лежала. По дому суежилась горбатенькая Раечка. Мария готовила. Лидия Федоровна была главной по мирским делам. Анна Михайловна тоже работала, она пристроила для себя комнату со стороны оврага. Во дворе огород был всегда хорошо ухожен»⁴⁸.

Воспоминания А. Б. Ветвицкого подтверждает одна из старейших прихожанок Свято-Троицкого кафедрального собора Саратова, духовная дочь о. Константина Соловьева Л. Ф. Борзова. Со схиигуменией Марией ее семью познакомили преподаватель послевоенной Саратовской Духовной семинарии Н. П. Иванов (впоследствии протоиерей) и его супруга. К матушке Марии Людмила Федоровна ездила в Загорск со своей мамой, духовной дочерью о. Константина Соловьева, или же одна и жила там по месяцу, а иногда и больше. Она почти дословно повторила воспоминания Алексея Борисовича, к которым прибавила, что она несла разные послушания по домашнему монастырю. Помогала вышивать бисером по шелку для церковных облачений и митр, печь и ставить печати на лаврские просфоры, разбирала книги

и прибирала в доме. Ей запомнилось, как схиигуменья Мария учила ее жарить картошку по-монастырскому дореволюционному рецепту, а именно: картошку сначала чистили, мыли, резали ее ровными ломтиками, солили, перчили, обваливали в муке и обжаривали до румяной корочки в кипящем постном масле. По воспоминаниям Л. Ф. Борзовой, схиигуменья была неунывающей духом и благоволила каждому проходящему в ее дом и всегда шутила, несмотря на то что одновременно была строга.

В монастыре схиигуменья Марии обязательным было чтение утреннего и вечернего правила. Но были и требования, не совсем обычные для дореволюционных женских монастырей. Ежедневно каждая монахиня читала Евангелие, Деяния апостолов и Апостольские послания в соответствии с литургическим календарем. В течение Великого поста монахини прочитывали все четыре Евангелия. Чтение Священного Писания ограничивалось Новым Заветом. За исключением Псалтири книги Ветхого Завета мало кто читал. Схимница в любое время литургического года пела пасхальный тропарь, превратившийся в ее непрестанную молитву, творимую во всех обстоятельствах жизни. Каждый день неопустительно матушка читала канон «Многими содержимь напастьми» и всегда говорила: «Читайте канон Божией Матери, и никакой беды с вами не будет». Все сестры по очереди вычитывали схиигуменья ее молитвенное правило (схимническое), участвуя тем самым в молитве своей наставницы. Схиигуменья Мария не хотела, чтобы ее общину окормляли женатые священники, и стремилась, чтобы сестер исповедовал иеросхимонах Серафим (Романцов)⁴⁹, в 1947 г. вернувшийся из ссылки в Глинскую пустынь и бывший в монастыре до его вторичного закрытия 13 июля 1961 г. Серафим (Романцов) был опытным духовником, его особым даром было умение принимать исповедь, вызывать людей на откровенность, способность заставить осознать свои грехи.

В 1945 г. с Матерью Церковью возобновил каноническое общение епископ Афанасий (Сахаров), которого считали своим правящим архиереем монахини из Загорска и иеросхимонах Серафим. Епископ Афанасий разослал своей пастве письмо, которым разрешал ходить в открытые храмы и принимать участие в церковных таинствах. В. Я. Василевская вспоминала: «Причащаться во вновь открытых храмах мы еще не решались: шли слухи, что подписи в письме могли быть подделаны. Долго оставаться в таком недомоленном состоянии было невозможно, и я решила поехать к матушке Марии... Пусть ее слово будет последним. Матушка встретила меня словами: “Вы в какую церковь ходите?” Вместо ответа я расплакалась. Матушка успокоила меня и сказала, что в подлинности письма сомневаться нет оснований»⁵⁰. Община матушки Марии, как подтверждают воспоминания М. К. Карповой, стала одним из оплотов послевоенного возрождения Церкви. Мать Мария и ее послушницы приняли горячее участие в восстановлении Троице-Сергиевой лавры в 1946 г. Монахини пекли просфоры для лавры и собирали пожертвования. Одними из первых послушников лавры были духовные дети матушки Марии Игорь Мальцев и Александр Хархаров. Много денег народ жертвовал для возрождаемой святыни, значительная их часть хранилась

в доме у матушки Марии. Большой вклад в сбор средств сделали христиане Поволжья, в том числе Саратова, почитавшие прп. Сергия как одного из небесных покровителей города с момента его основания⁵¹. Эти сборы были тайными, а главным казначеем была инокиня Параскева (Тарарашкина), возившая деньги к схиигумении Марии. Эти сведения мне известны от самой инокини Параскевы, которая, не имея прописки, по благословению о. Константина Соловьева с 1948 г. по 1975 г. подолгу жила в нашей семье, практически став ее членом⁵². Собранные пожертвования, большей частью мелочью, она приносила в наш дом, где мой дедушка по материнской линии крещеный перс Александр Николаевич Мамедов их хранил. Время от времени Александр Николаевич ходил менять их на купюры на Крытый рынок или на главпочтамт, добавляя собственные средства. Когда собиралась значительная сумма, инокиня Параскева увозила эти деньги в Загорск. Средства на дорогу давал Александр Николаевич.

По воспоминаниям М. К. Карповой, в доме у матушки в Загорске бывали известные церковные деятели: первый наместник лавры о. Гурий (Егоров; 1 октября 1891 г.— 12 июля 1965 г.), впоследствии митрополит Симферопольский и Крымский; митрополит Ярославский и Ростовский Иоанн (Вендланд; 14 января 1909 г.— 25 марта 1989 г.), бывший настоятелем Духосошественского собора в Саратове (в 1953–1956 гг.); студент Московской Духовной семинарии — академии Николай Николаевич Гондаровский (в иночестве Варфоломей), впоследствии епископ Саратовский и Волгоградский (скончался в сане архиепископа Орловского и Брянского; 27 октября 1927 г.— 21 марта 1988 г.); Тихон Тихонович Пелих, впоследствии протоиерей Ильинской церкви Загорска и духовник учащихся Московских Духовных академии и семинарии (13 августа 1895 г.— 17 июля 1983 г.); студент Московской Духовной академии Юрий Смирнов, впоследствии архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий (род. 13 января 1937 г.); архимандрит Кирилл (Павлов; род. в 1919 г.); также бывал в ее убогой келье и иеромонах Пимен (Извекон; 23 июля 1910 г.— 3 марта 1990 г.), будущий Святейший Патриарх Московский и всея Руси⁵³. В 1940–1950-х гг. многие священники навещали матушку Марию, пользовались ее советами, испрашивали ее молитв. Когда в 1948 г. о. Константин (Соловьев) вернулся в Саратов из 13-летней ссылки и узнал от инокини Параскевы, что схиигумения Мария жива, то передал ей поклон с просьбой о молитвах. Так была возобновлена духовная связь между ними, продолжавшаяся еще 5 лет — до кончины о. Константина в 1953 г.

Архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий вспоминает: «Свет трудно скрыть среди тьмы времени. Люди тянулись к такому духовному человеку, как монахиня Мария, получая поддержку в вере, которую подмывает окружающий мир своими прелестями. Мне тоже выпало счастье бывать у матушки неоднократно, беседовать с ней, слышать о том, что еще не вмещала моя душа, — о сокровенной жизни здесь, несмотря на тяжкие обстоятельства земной юдоли, которая переходит в будущую вечность. Она не сходила со своего одра, будучи болезненной, но вся светилась в лице своей верой и внутренней молитвой. У нее было правило — творить беспрестанно молитву

“Богородице Дево”, т. е. Богородичное правило, что осеняло ее свыше. Келия ее небольшая была полна икон и лампад. С ее столика мне достался ее монашеский крест, причем смонтированный пластинкой после ее поединка в руке с ним со злыми духами, набросившимися на нее со всех сторон, растаскивавшими одежду и тащившими даже за волосы, как она о том поведала мне в одно из посещений ее домика. От нее же мне поступила по ее кончине игуменская палка с серебряным обрамлением... прежде всего на помощь свыше как основной опоры в нашей жизнедеятельности... На отпевании ее я не мог уже быть. Царствие ей Небесное! Она его чувствовала еще при жизни, и все невзгоды, гонения, несчастья земные прошли перед ней, как одна лишь тень, не заслонившая света ее веры, чем высок и свят каждый человек»⁵⁴.

Сразу после открытия лавры инокиня Параскева с моей мамой Н. А. Мамедовой и ее старшей сестрой Тамарой при любой возможности ездили в Загорск и останавливались у гостеприимной матушки Марии. Она всегда пила чаем, расспрашивала о Саратове. Узнав, что в городе действует только старый Троицкий собор, сказала: «Лучше пусть будет один полный, чем сорок пустых». Моя мама вспоминает: «Когда мать Мария узнала от Пашеньки [Параскевы (Тарарашкиной).— А. Р.], что мы дочери Александра Николаевича и Елены Григорьевны Мамедовых и духовные чада отца Константина Соловьева, она стала очень благоволить к нам. Но общалась с матушкой больше Тамара, потому что она была старшей сестрой. И когда выяснилось, что мы по образованию врачи и оказываем безвозмездные услуги христианам города и духовенству, начиная от отца Константина вплоть до архиерея⁵⁵, то матушка Мария стала пользоваться нашими медицинскими рекомендациями».

Незадолго до смерти схиигумения вручила инокине Параскеве 2 свертка «за труды праведные»: один для Параскевы — полное монашеское облачение, 2-й для моего деда — сверток с погребальным набором (в те времена очень трудно было раздобыть набор для погребения), небольшую икону прп. Сергия и 4 крупные восковые свечи от преподобного, сказав: «Это тебе от меня, а это нашему благодетелю персу»⁵⁶. 16 августа 1961 г. схиигумения Мария умерла. Ее похоронили на старом загорском кладбище. Могила сохраняется, рядом с ней в 1963 или 1964 г. была похоронена ее келейница монахиня Арсения. Сестры общины продолжали вести прежнюю жизнь, но не решались принимать новых послушниц. Со временем из-за смерти почти всех членов общины дом в Загорске опустел (сейчас он принадлежит людям, не имеющим отношения к общине), Троице-Сергиева лавра принимала участие в похоронах послушниц матери Марии.

Заканчивая текст, я вспомнил, что никогда прежде не показывал своей маме фотографии схиигумении Марии, известные по публикациям последних лет⁵⁷. Увидев снимки, мама была растрогана до слез и целовала фотографию подвижницы, обращалась к ней: «миленькая моя». Мама дословно повторила семейное предание, добавив, что схиигумению Марию она знала с раннего детства, с тех пор, когда матушка еще до принятия иночества была прихожанкой Митрофаниевской церкви и духовной дочерью о. Константина Со-

ловьева: «Родом она была из деревни, жила по людям и всегда нуждалась. Часто и подолгу матушка Мария жила в нашей семье по просьбе о. Константина. Так как папа имел иранское гражданство и персидский паспорт на имя Ага Баба Мамед Кули Оглы, уроженца города Ардабилля, работники НКВД не трогали нашу семью до середины 1930-х гг. Тогда они предложили ему либо уезжать на родину без семьи, либо оставаться, приняв гражданство СССР. Он выбрал последнее».

Услышанное заставило меня вспомнить о хранящемся у меня фотопортрете монахини Ксении, духовной дочери о. Константина Соловьева и прихожанки Митрофаниевской церкви. Этот снимок был передан мне в 1995 г. из следственного дела о. Константина⁵⁸. На обороте снимка о. Константин записал краткие биографические сведения о своей духовной дочери от рождения до принятия пострига. Очевидное внешнее сходство монахини Ксении с схигуменьей Марией дает основание для их отождествления, благодаря чему становится возможным восстановить биографию подвижницы до ее поселения в Загорске. О. Константин записал следующее (картонное паспарту снимка обрезано с левого и нижнего краев, из-за чего не удалось прочесть два слова; текст подчеркнут следователем): «Мо[н]а[х]иня Ксения постриж[ение] приняла на 5 нед[еле] Великого поста 16/29 марта 1928 г. В мире Иулиана Иаковлевна Багаева (Горбатова). Вдова с 1914 г., из крестьян деревни Красновидовки Переездинской волости Аткарского уезда Саратовской губернии. Родилась 1863 г. в декабре. Пострижение тайное приняла по благословению Преосвященнейшего Фаддея [(Успенского)], архиепископа Саратовского, от иеромонаха Пантелеимона у него в келье. Восприемною матерью ей при пострижении была монахиня Агния (Нарциссова). С 1918 г. духовная дочь протоиерея Митрофановской церкви г. Саратова Константина Соловьева. С 1915 г. живет в услужении ради Господа у гр[аждан] В. П. и М. Ив. Кузнецовых: няня для детей и кухарка для дома. В 1903 г. на сороковой день после открытия св. мощей препод[обного] Серафима, Саровского чудотворца, была в Саровской обители и в 1904 г. по благословению старца схимонаха Василия (Анатolia)⁵⁹ снова посетила обитель и стала ревностная его почитательница. Долгое время была послушницею старицы Иу...ны, жившей по благословению и заветам старца Анатолия в келье своей на хуторе Рожкова Кондрашова в 1½ верстах от села Бор».

Фотография инокини Ксении была изъята у о. Константина при аресте и приобщена к следственному делу — сверху на снимке надпись карандашом: «Изъято у попа Соловьева». На допросе о. Константину был задан вопрос: «Следствию известно, что Вы принимали активное участие в производстве тайного пострижения в совместной деятельности с бывшим епископом Парфеновым Николаем Горбатым и епископом Фаддеем?» О. Константин ответил: «Действительно, я принимал участие в тайном постриге в монашество в 1928 г. с епископом Фаддеем некоей Горбатовой Ульяны Яковлевны»⁶⁰.

Если сопоставить изложенные о. Константином вехи жизни инокини Ксении с тем немногим, что известно о матери Марии до ее появления в Загорске, то станут очевидными многие совпадения. Это и происхождение из

крестьян Саратовской губернии, и связь с обителью прп. Серафима Саровского, и главное — духовное водительство о. Константина Соловьева и несомненная принадлежность к кругу последователей епископа Николая (Парфенова), которых он называл «пустынной церковью». По моему предположению, инокиню Ксению возвел в сан игуменнии и постриг в схиму с именем Мария епископ Николай, принявший ее под свое водительство, как и всех прочих духовных детей отца Константина, находившихся в рассеянии. Он же мог благословить ее на переезд из Саратова в Загорск под защиту прп. Сергия. И только он мог поселить ее в семье Ветвицких-Мальцевых в своем по сути доме в Загорске. Я уверен, что изложенная версия найдет новое подтверждение в источниках⁶¹.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Термин «пустынная церковь» заимствован из последнего следственного дела епископа Николая (Парфенова) и, по-видимому, принадлежит самому старцу. Этими словами он называл основанные им в разных городах нелегальные общины (Архив УФСБ по Владимирской области, д. П–5328).
- ² См.: *Василевская В. Я.* Катакомбы XX века: Воспоминания. М., 2001. С. 131–138, 279–306, 311–312.
- ³ Афанасий (Сахаров; 1887 г.— 28 октября 1962 г.), с 17 июня 1921 г. епископ Ковровский, викарий Владимирской епархии, с 18 июня 1921 г. настоятель Боголюбова монастыря.
- ⁴ Воспоминания Маргариты Константиновны Карповой (в девичестве Мальцевой) о епископе Николае (Парфенове) и схиигуменнии Марии от 19 января 2007 г. (Архив А. В. Румимского). М. К. Карпова — сестра протоиерея Игоря Мальцева, см. примеч. 6.
- ⁵ *Воробьев М.* История Вольского женского монастыря. Вольск, 2002.
- ⁶ Игорь Константинович Мальцев (23 июля 1925 г.— 29 августа 2000 г.), родился в Саратове. Его мать Н. М. Мальцева (в девичестве Ветвицкая) была духовной дочерью старца Николая (Парфенова) в 1915–1918 гг. В начале 1930-х гг. семья Мальцевых была вынуждена уехать из Саратова в Загорск, где Мальцевы жили в одном доме со схиигуменией Марией. И. К. Мальцев участвовал в Великой Отечественной войне. Наиболее духовно близкими ему людьми были схиигуменния Мария и жившие с нею монахини. У матушки Марии Мальцев познакомился с архимандритом Гурием (Егоровым), который стал духовником Мальцева. После открытия Троице-Сергиевой лавры (16 апреля 1946 г.) Мальцев служил пономарем в лаврском Успенском соборе. 25 августа 1946 г. архимандрит Гурий был хиротонисан во епископа Ташкентского и Среднеазиатского и вместе со своими духовными чадами (иеромонахом Иоанном (Вендландом; впоследствии митрополит Ярославский и Ростовский) и иподиаконами И. Мальцевым и А. Хархаровым (впоследствии Ярославский и Ростовский архиепископ Михей)) уехал в Ташкент. В 1949 г. Мальцев поступил в 3-й класс Московской Духовной семинарии. После ее окончания 19 августа 1951 г. был рукоположен во диакона, а в день Рождества Христова 1952 г.— во иерея. В 1953 г. о. Игорь переехал в Саратов, куда был переведен архиепископ Гурий. В Саратове прослужил 14 лет в сане протоиерея. Невзирая на запреты и угрозы властей, совершал тайные венчания в нижнем храме Свято-Троицкого собора, крестил, причащал, соборовал, отпевал на дому саратовских христиан. В 1967 г. переехал с семьей в Ярославскую епархию. До мая 1968 г. служил в селе Введенском, затем являлся настоятелем Феодоровского кафедрального собора

в Ярославле (*Иоанн (Вендланд)*), митр. Князь Федор Черный; Митрополит Гурий (Егоров): Исторические очерки. Ярославль, 1999. С. 176–177).

- ⁷ Фамилия епископа Николая была известна не всем в Саратове. Ее знали в семье Руфимских, сохраняющей предания о епископе Николае и его духовных чадах. Одним из первых духовных почитателей блаженного архиерея был двоюродный прадед автора настоящей статьи Н. П. Руфимский, который в начале XX в. являлся главным управляющим на маслобойной фабрике А. И. Шумилина, участвовал в реконструкции скита, в котором жил блаженный старец, и знал его фамилию из строительной сметы. Фамилию епископа Николая не знал даже о. Игорь Мальцев, который писал мне: «Теперь еще и епископа Николая (Парфенова), ты, Алеша, откуда-то и фамилию его узнал, а мне она была неизвестна». (Письмо о. Игоря Мальцева к А. В. Руфимскому от 3 января 1996 г. (Архив А. В. Руфимского, Саратов)).
- ⁸ Одной из главных тайн биографии схиигуменнии Марии оставались личности ее духовников в 1920–1930-х гг. Матушка говорила своим духовным чадам, что она окормлялась у старца-пещерника Ионы, жившего в подземелье в деревне недалеко от Саратова (*Досифея (Вержбловская)*), мон. О матушке Марии // *Василевская В. Я.* Указ. соч. С. 295–296). Мне нигде более не приходилось встречать упоминаний об этом старце. Маловероятно, что он обретался в непосредственной близости от города. Он мог скрываться в катакомбах Уракова Бугра или в Белогорском Свято-Троицком женском монастыре, находившихся в Камышинском уезде, входившем в состав Саратовской губернии. В 1930-х гг. там, по рассказам местных жителей, скрывались несколько монахов. Не исключено, что старец Иона был вымышлен схиигуменнией Марией, дабы обезопасить своих реальных духовников. С 1947 г., после прекращения окормления легендарным отцом Ионой, до кончины схиигуменнии Марии в 1961 г. ее и сестер общины окормлял иеросхимонах Глинской пустыни Серафим (Романцов; 1885–1976 гг.; см. о нем примеч. 49).
- ⁹ См.: *Руфимский А.* Саратовский Серафим: Материалы к биографии протоиерея Константина Соловьева // *Волга. Специальный номер (2/3)*. Саратов, 1998. С. 4–11.
- ¹⁰ О епископе Николае см.: *Польский М., протопресв.* Новые мученики Российские. Ч. 2. Jordanville, 1957. С. 126; Епископ Николай (Парфенов) // *Вестник Русского христианского движения*. 1985. № 145. С. 243–245; *Рымаренко Е. Г.* Воспоминания об оптинском старце иеросхимонахе Нектарии // *Orthodox Life*. 1986. Vol. 36. № 3. May–June. P. 42–43; Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, и позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / Сост. М. Е. Губонин. М., 1994. С. 984 (далее — Акты Святейшего Тихона); Цветочки Оптиной пустыни: Воспоминания о последних оптинских старцах о. Анатолии (Потапове) и о. Нектарии (Тихонове) / Сост. С. В. Фомин. М., 1995. С. 58–67, 178–179; Hieromartyr Nicholas, Bishop Of Aktar And Those With Him (http://www.orthodox.net/cgi-bin/html_print.pl/saints/nicholas-bishop-and-hieromartyr-of-aktar-and-those-with-him.html); *Мануил (Лемешевский)*, митр. Русские православные иерархи периода с 1893 по 1965 г. (включительно). Т. 5. Erlangen, 1979–1989. С. 206–207. Русская православная Церковь за границей на Архиерейском Соборе 1 ноября 1981 г. канонизировала Аткарского епископа Николая (Парфенова) как священномученика в Соборе новомучеников и исповедников Российских и постановила совершать празднование его памяти в последнее воскресенье января.
- ¹¹ В жизнеописаниях владыки Николая часто указывается, что он был из дворян, окончил Казанский университет и Духовную Академию. Мне удалось установить его происхождение из цеховых мещан, в настоящее время изучается вопрос о полученном им образовании.
- ¹² Устроенная в форме раковины эстрада в «Липках» сохранялась до начала 1960-х гг.
- ¹³ Галахи (босяки, пьяницы) составляли особую категорию саратовского населения. Термин этот, как доказал А. А. Гераклитов, — саратовский, образован от дома Галахова на Московском взвозе, служившего ночлежкой для босяков (*Гераклитов А. А.*

Воспоминания (рукопись) // Отдел редкой книги Научной библиотеки СГУ. № 3415. Л. 61–61 об.).

- ¹⁴ Гермоген (Долганев; 25 апреля 1858 г.— 29 июня 1918 г.), сщмч. С 14 января 1901 г. епископ Вольский, викарий Саратовской епархии, с 21 марта 1903 г. по 17 января 1912 г. епископ Саратовский и Царицынский, уволен на покой. 8 марта 1917 г. назначен на Тобольскую кафедру. 3 мая 1918 г. арестован и 29 июня утоплен в реке Туре. 16 июля 1918 г. нетленные мощи его были обретены и погребены в пещере свт. Иоанна Тобольского. Канонизирован в 1999 г.
- ¹⁵ *Вениамин (Милов), еп.* Дневник инока. Письма из ссылки. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1999. С. 82. Вениамин (Милов; 8 июля 1887 г.— 2 августа 1955 г.), с 1918 г. архимандрит, наместник московского Покровского монастыря; 4 февраля 1955 г. хиротонисан во епископа Саратовского и Балашовского.
- ¹⁶ Письмо епископа Гермогена (Долганева) иноку Николаю от 1 ноября 1912 г. (Архив А. В. Руфимского).
- ¹⁷ Построена в 1860 г. на месте деревянной кладбищенской часовни, принадлежавшей Спасо-Преображенскому монастырю. По воспоминаниям старожилов, в 1920-х гг. келейное здание киновии было превращено в жилой дом. Ныне в киновии располагается спортивный клуб «Буревестник» (ул. Октябрьская, 41), а в соседнем здании с 1927 г. размещается Нижневолжская студия кинохроники.
- ¹⁸ *Мануил (Лемешевский), митр.* Указ. соч. С. 206–207. Блаженная Паша Саровская имела обычай показывать наставления на куклах.
- ¹⁹ *Семенов В., Семенов Н.* Записки о старом Саратове // Волга. 1992. № 9/10. С. 171–175.
- ²⁰ Архив УФСБ РФ по Саратовской области, д. 495.
- ²¹ Акты Святейшего Тихона. С. 82–85.
- ²² Письмо о. Игоря Мальцева к А. В. Руфимскому от 3 января 1996 г. (Архив А. В. Руфимского).
- ²³ Борис (Соколов; 8 января 1865 г.— 21 февраля 1928 г.), с 1919 г. епископ Рыбинский, викарий Ярославской епархии.
- ²⁴ Саратовские епархиальные ведомости. 1918. № 5–6. С. 93.
- ²⁵ Саратовские подвижники. Саратов, 2000. С. 43.
- ²⁶ *Вениамин (Милов), еп.* Указ. соч. С. 79–82.
- ²⁷ Предание семьи Руфимских (Архив А. В. Руфимского).
- ²⁸ Иов (Рогожин; 1883–1933 гг.), с 27 августа 1913 г. смотритель Саратовского духовного училища в сане архимандрита; 9 мая 1920 г. хиротонисан во епископа Вольского, викария Саратовской епархии, в июле 1922 г. арестован за противодействие обновленчеству. С осени 1922 г. епископ Пятигорский и Прикумский, 12 апреля 1925 г. подписал акт о передаче высшей церковной власти митрополиту Петру (Полянскому). С 1926 г. епископ Усть-Медведицкий, викарий Донской епархии. В 1927 (1926?) г. арестован. В 1927–1928 гг. находился в заключении в Соловецком лагере особого назначения. В 1928 (1927?) г. освобожден. С 1927 г. епископ Мстерский, викарий Владимирской епархии. 17 февраля 1930 г. вновь арестован и приговорен к 3 годам ссылки в Северный край. Скончался в заключении.
- ²⁹ Варлаам (Пикалов; 1885–1946 гг.), с 9 мая 1921 г. епископ Новосильский, викарий Тульской епархии; с 24 августа 1924 г. епископ Ефремовский, викарий Тульской епархии; с 11 марта 1925 г. епископ Каширский, викарий Тульской епархии. 4 ноября 1926 г. уволен на покой. В 1925–1928 гг. находился в ссылке в Тверской области. С 25 июля 1934 г. епископ Рыбинский, 12 ноября 1935 г. назначен епископом Псковским, однако от назначения отказался и остался в Рыбинске. С марта 1936 г. архиепископ. 29 августа 1936 г. приговорен к 5 годам лагерей. В сентябре 1943 г. освобожден. С 13 октября 1943 г. архиепископ Свердловский и Челябинский. В августе 1944 г. вновь арестован и приговорен к 6 годам лагерей. Скончался в заключении.
- ³⁰ Государственный архив Саратовской области, ф. 456 (Саратовский городской исполком), оп. 1, д. 974, л. 6–7.

- ³¹ Фаддей (Успенский; † 31 декабря 1937 г.), смчч., 21 декабря 1908 г. хиротонисан во епископа Владимиро-Вольнского. В декабре 1923 г. в сане архиепископа назначен на Астраханскую кафедру. В декабре 1926 г. архиепископ Фаддей, назначенный незадолго до этого одним из заместителей Патриаршего Местоблюстителя, должен был приехать в Москву, однако до столицы не доехал, поскольку был задержан властями в Саратове и отправлен в Кузнецк, где находился до марта 1928 г., когда был назначен на Саратовскую кафедру. В ноябре 1928 г. архиепископ Фаддей был переведен в Тверь.
- ³² Письмо А. Б. Ветвицкого к А. В. Руфимскому от 29 марта 2006 г. (Архив А. В. Руфимского).
- ³³ Свидетельство Е. Е. Панкратовой от 1 мая 2002 г. (Архив А. В. Руфимского).
- ³⁴ Это подтверждается показаниями о. Константина из его следственного дела: «Я возил к нему подарки, а также получал от него» (Архив УФСБ РФ по Саратовской области, д. 495).
- ³⁵ Антоний (Абашидзе; 2 октября 1867 г.— 1 ноября 1942 г.), схиархиепископ Таврический и Симферопольский. 6 мая 1915 г. возведен в сан архиепископа Таврического и Симферопольского. В конце 1920-х гг. жил в Киеве, принял схиму и пребывал в затворе, старчествовал. Неоднократно подвергался аресту. В годы Великой Отечественной войны состоял в общении с Украинской автономной православной Церковью, признававшей каноническое возглавление Патриаршего Местоблюстителя митрополита Сергия (Страгородского). Погребен у входа в ближние пещеры Киево-Печерской лавры.
- ³⁶ *Польский М., протопресв.* Указ. соч. Ч. 2. С. 126.
- ³⁷ «Многи скорби праведным» // Вестник РХД. 1985. № 145. С. 251–252.
- ³⁸ *Рымаренко Е. Г.* Указ. соч. С. 43.
- ³⁹ Письмо протоиерея Игоря Мальцева А. Б. Ветвицкому от 14 июня 1965 г. (Архив А. Б. Ветвицкого). До замужества Н. М. Ветвицкая хлопотала за арестованного и сосланного в 1923 г. Саратовского епископа Досифея (Досифей (Протопопов; 16 октября 1866 г.— 12 марта 1942 г.); управлял Саратовской епархией с 25 августа 1917 г. по 1927 г.).
- ⁴⁰ Письмо протоиерея Игоря Мальцева к А. В. Руфимскому от 3 января 1996 г. (Архив А. В. Руфимского). Предсказание «маленького батюшки» в отношении о. Игоря исполнилось. И саратовские, и ярославские клирики рассказывали об о. Игоре как о человеке и пастыре, обладавшем неиссякаемой энергией, оптимизмом и чувством юмора. Хочу отметить, что все духовные чада «маленького батюшки» и его «служки» о. Константина, с которыми мне довелось встречаться, отличались страннолюбием, трудолюбием, неиссякаемой жизнерадостностью, их вера в Бога всегда жила в их делах.
- ⁴¹ См.: Архив УФСБ по Владимирской области, д. П-5328.
- ⁴² Письмо протоиерея Игоря Мальцева к А. В. Руфимскому от 29 июня 1998 г. (Архив А. В. Руфимского).
- ⁴³ Архив УФСБ по Владимирской области, д. П-5328.
- ⁴⁴ Борис (Вик; 27 августа 1906 г.— 16 апреля 1965 г.), митрополит Херсонский и Одесский. С 13 января 1947 по 4 марта 1949 г. епископ Саратовский и Вольский. С октября 1954 г. архиепископ, Патриарший экзарх Северной и Южной Америки.
- ⁴⁵ Распорядок жизни общины описан в воспоминаниях монахини Досифеи (Вержболовской; 1904–2000 гг.), которая в 1943–1961 гг. была в послушании у матери Марии (*Василевская В. Я.* Указ. соч. С. 280–288).
- ⁴⁶ Письмо А. Б. Ветвицкого к А. В. Руфимскому от 1 апреля 2003 г. (Архив А. В. Руфимского).
- ⁴⁷ Письмо А. Б. Ветвицкого к А. В. Руфимскому от 20 февраля 2006 г. (Архив А. В. Руфимского).
- ⁴⁸ Письмо А. Б. Ветвицкого к А. В. Руфимскому от 17 декабря 2003 г. (Архив А. В. Руфимского).

⁴⁹ Серафим (Романцов; 28 июня 1885 г.— 1 января 1976 г.), схиархимандит, в 1919 г. пострижен в монашество с именем Ювеналий в Глинской пустыни, рукоположен во диакона в 1920 г. епископом Рыльским Павлином. После закрытия Глинской пустыни в 1922 г. о. Ювеналий поселился в Драндском Успенском монастыре (Сухумская епархия). Епископом Никоном рукоположен в иеромонаха в 1926 г. Принял схиму с именем Серафим в 1926 г. После закрытия обители до 1930 г. жил в окрестностях Алма-Аты. В 1930 г. арестован, отбывал наказание в Белбалтлаге (на строительстве Беломорско-Балтийского канала). В 1934–1946 гг. жил в Ташкенте и в Киргизии. 30 декабря 1947 г. о. Серафим вернулся в Глинскую пустынь, в 1960 г. назначен ее игуменом. В 1966 г. схиигумен Серафим совершил иноческий постриг священника Иоанна Крестьянкина.

⁵⁰ *Василевская В. Я.* Указ. соч. С. 137.

⁵¹ По преданию, стрельцы, основавшие Саратов в 1590 г., принесли с собой образ «Спаса Нерукотворенного», точную копию фрески из Троице-Сергиева монастыря. В воспоминание об обители Св. Троицы в Саратове была освящена деревянная Троицкая церковь, ставшая впоследствии кафедральным собором. В Свято-Троицком соборе по сей день сохраняется чтимая икона «Спаса Нерукотворенного», вероятно список со старинного образа (подробнее см.: *Соколов В. П.* Саратовский Троицкий (старый) собор. Саратов, 1904; Свято-Троицкий собор г. Саратова. Саратов, 2005). Саратов не имел местных святых. Саратовцы почитали покровителями города святителя Николая Чудотворца в местничим образе «Николы Мокрого», преподобного Алексия, человека Божия, преподобных Сергия Радонежского и Серафима Саровского. В настоящее время образы «Николы Мокрого» утрачены. Как сказано в каталоге «Николин день»: «Неизвестно, как выглядела икона “Николы Мокрого”» (Выставка 23 мая — 31 декабря 2003 г. М., 2003. С. 15). По воспоминаниям В. М. Руфимского, саратовский образ «Николы Мокрого» был тождествен резному образу «Николы Можайского»; единственное отличие — на саратовской иконе в правой деснице свт. Николай держал меч, в левой — храм, и резная фигура была помещена на морской пучине. Украшенный золотой ризой и усыпанный драгоценными камнями, саратовский образ хранился в ризнице Старо-Казанской церкви, в конце XIX в. был торжественно перенесен в Александро-Невскую часовню на центральной площади. После разрушения часовни образ переместился в церковь Петра и Павла, что на Хлебной площади, и находился там до закрытия храма в 1939 г., позднее храм был разрушен, образ утрачен.

⁵² В 1975 г. монахиня Параскева уехала к своему племяннику в город Шатура Московской области.

⁵³ Этот факт сообщил архиепископ Владимирский и Суздальский Евлогий (Смирнов) в письме к о. Виктору Григоренко от 21 февраля 2006 г. (Архив священника Виктора Григоренко).

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Н. А. Мамедова помимо работы терапевтом сначала в городской больнице № 3, затем в поликлинике № 2, была домашним лечащим врачом у Саратовских архiereев с 1947 по 1993 г.

⁵⁶ Мой дедушка был исповедан перед смертью о. Игорем и отпет 22 февраля 1981 г. духовником нашей семьи протоиереем Георгием Лысенко, свечи матери Марии я затеплил и установил по четырем сторонам гроба. Образок прп. Сергия и по сей день хранится у меня.

⁵⁷ В частности, в книге: *Василевская В. Я.* Указ. соч. С. 240, 285, 290. Много фотографий подвижницы хранилось в семье Мальцевых. Протоиерей Игорь рассказывал, что после возвращения с фронта в сентябре 1945 г. он сфотографировал на трофейную «Лейку» мать Марию в схимническом облачении и домашней одежде — глухом темном платье и платке. Мне доводилось неоднократно рассматривать эти снимки, к сожалению, фотоальбом, в котором хранились эти фотографии и снимки, посвященные восстановлению лавры, был впоследствии утерян.

- ⁵⁸ Архив УФСБ РФ по Саратовской области, д. № 495. Передача снимка стала возможной благодаря старшему офицеру УФСБ А. Е. Сабурову († 2005 г.).
- ⁵⁹ Василий († 1919 г.), иеросхимонах (в монашестве Анатолий), старец-затворник, жил в начале XX в. в Сарове на одном из монашеских хуторов, редко кому показывался и отвечал на вопросы приходивших к нему через своего келейника монаха о. Исаакия (Житие и страдания преподобномученицы Евдокии (Шейковой) и послушниц ее Дарии (Тимолиной), Дарии (Сиушинской) и Марии // *Дамаскин (Орловский), иером.* Мученики, исповедники и подвижники благочестия Российской Православной Церкви XX столетия: Жизнеописания и материалы к ним. Кн. 1. Тверь, 1992. С. 95, примеч.).
- ⁶⁰ Архив УФСБ РФ по Саратовской области, д. 495.
- ⁶¹ Опровержением данной гипотезы не может служить информация о том, что схигумения Мария скончалась в 1961 г. в возрасте около 81 года (см.: *Василевская В. Я.* Указ. соч. С. 31). Если верно отождествление матушки Марии с инокиней Ксенией, родившейся в декабре 1863 г., то подвижница скончалась на 98-м году жизни. Однако поскольку она жила по чужим документам (Сарычевой), то и возраст ее при кончине был указан, вероятнее всего, в соответствии с паспортом Сарычевой. Все знавшие мать Марию в 1940–1950-х гг. свидетельствовали о ее физической немощи и болезненности, что было, вероятно, следствием преклонного возраста.